Поночевный Максим Анатольевич

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ОСМЫСЛЕНИИ КАТЕГОРИИ

Автор доказывает, что в современном, казалось бы, неупорядоченном конгломерате взглядов на гражданское общество можно выделить исторически оформившиеся элементы: общий фундамент и поле вариативности. В статье показано, что категория гражданского общества отражает гармоничную пропорцию между уникальным историческим опытом конкретного общества и потенциально общечеловеческой природой ценностей самоорганизованной сферы гражданских инициатив, относительно обособленной от государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 146-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 340
Юридические науки

Автор доказывает, что в современном, казалось бы, неупорядоченном конгломерате взглядов на гражданское общество можно выделить исторически оформившиеся элементы: общий фундамент и поле вариативности. В статье показано, что категория гражданского общества отражает гармоничную пропорцию между уникальным историческим опытом конкретного общества и потенциально общечеловеческой природой ценностей самоорганизованной сферы гражданских инициатив, относительно обособленной от государства.

Ключевые слова и фразы: гражданское общество; негосударственная сфера; неполитическое общество; добровольные ассоциации; фундамент и поле вариативности в смысловом оформлении гражданского общества.

Поночевный Максим Анатольевич, к. филос. н.
Южный федеральный университет
ponochevny8tg@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ОСМЫСЛЕНИИ КАТЕГОРИИ©

Гражданское общество – одна из ключевых категорий в истории идей об обществе и государстве, в философском и научном дискурсе эта категория имеет столь же важное значение и по праву занимает центральное место уже несколько столетий. Несмотря на это, современное представление о гражданском обществе далеко от однозначно определенного. Нынешний этап в осмыслении гражданского общества является следствием посыла 1980-90-х гг. Падение коммунистических режимов в странах бывшего социалистического блока и поиск демократических путей развития актуализировал старую дискуссию о гражданском обществе. Различные общественные силы в государствах с прерывистой демократической традицией и «молодых» демократиях сегодня возлагают большие надежды на образ гражданского общества в поиске своего пути к прогрессу. Подобный импульс вызвал к жизни обсуждение, казалось бы, давно решенного вопроса о содержании понятия «гражданского общество» также в науке западных стран. Кроме того, неоднозначность и неодномерность процессов глобализации, по-своему оформляющих схемы взаимоотношений государства и общества, придают категории гражданского общества новое звучание в начале XXI века. Известные трудности для изучения гражданского общества создает спекуляция разными генерируемыми образами гражданского общества в современной политике, что делает данную категорию весьма политизированной. Различные выработанные концепции гражданского общества, традиции и подходы к его осмыслению нередко представляются в форме неупорядоченного «калейдоскопа» смыслов. Это значительно ослабляет научный и прикладной потенциал данной категории, которая сегодня небезосновательно воспринимается некоторыми учеными лишь как «теоретизированная социологическая абстракция» [4, с. 137]. Цель данной статьи в том, чтобы подвергнуть генетическому анализу и систематизировать существующее многообразие смысловых наполнений, сущностных черт, традиций, связываемых с категорией «гражданское общество», и объяснить доминанты его исторического и современного понимания, в том числе с учетом современных реалий нашей страны. Данная цель может быть достигнута путем решения следующих взаимосвязанных задач: в историческом многообразии характеристик гражданского общества выделить основное обязательное ядро и поле вариативности, указать направления и пределы вариативности смыслового наполнения категории, представить рекомендации политико-правового характера применительно к специфике современного развития отечественного гражданского общества.

Содержательное наполнение категории гражданского общества прошло долгий путь развития и вместе с другими ключевыми политико-правовыми категориями несет на себе отпечаток эволюции всей западной цивилизации. Современное понимание гражданского общества базируется на фундаменте, созданном целым спектром разных интеллектуальных традиций и школ. Абсолютно очевидно, что современное применение категории «гражданское общество» и изучение отдельных теоретических и прикладных аспектов его функционирования не может быть продуктивным без надлежащего изучения истории идей о нем. Именно такой анализ поможет избежать упрощения трактовок, беспочвенного теоретизирования и непонимания историчности феномена при формировании современного взгляда на гражданское общество.

Первый серьезный импульс для рефлексии о гражданском обществе (или хотя бы его прообразе) был дан античной философией. Считается, что сам термин появился в европейской мысли эпохи Нового времени путем перевода древнегреческого понятия «koinonia politike» (политический союз) [11, p. 8] и его латинского варианта «societas civilis» на современные языки. Работы Платона и Аристотеля оформили контуры того смыслового поля, которое впоследствии становилось отправной точкой для исследователей гражданского права. Некоторые платоновские характеристики идеального общества: абсолютное единство, крайне неприятие частного интереса и индивидуальной собственности, приоритет направляющего государственного начала по отношению к обществу – не вошли в классическое содержательное наполнение исследуемой категории

© Поночевный М. А., 2013

и, скорее, сыграли роль вызова и поля для последующей критики. Другие идеи, напротив, были переняты Аристотелем и последующими мыслителями. К ним относятся акцент на разделении труда и материальных потребностях как ядре социальных связей, обозначенная необходимость обеспечения справедливости, общего блага, воспитания гражданских качеств человека и ограничения чрезмерной свободы частных интересов в целях поддержания его жизнеспособности. Главная отличительная черта аристотелевского подхода к гражданскому обществу – определение его внутренней природы, взаимосвязи и взаимоотношения с государством. Кроме политического общения, предельной и самой полной его формы, которая может быть наиболее полно раскрыта только в государстве, общество наполнено совершенно разными видами общения и координации, необходимыми и полезными, между самыми разными союзами и группами. Таким образом, вместо платоновского общества, «где каждый представлял бы собою единство, а не множество» [5, с. 192], для Аристотеля государство представляется сложным множеством коммуникаций и элементов на базе частной собственности и разумной реализации частных интересов. Вместо безжизненного единства и «молчаливой стабильности», лежащих в основе единства общества и государства у Платона, Аристотель видел многообразие связей и координацию множественных элементов как залог его продуктивного и слаженного функционирования [12, p. 7, 15]. Эти размышления создали целостный прообраз гражданского общества, который стал проблемным полем и источником вдохновения для многих мыслителей Средневековья и Нового времени.

Римские философские школы зафиксировали новый взгляд на соотношение государства и общества, который был далек от понимания экзистенциально близкой полисной государственности, где частная и публичная сферы были достаточно близки и по-аристотелевски соотносимы. Римская империя стала такой формой государства, в которой связь государства и гражданского общества оформлялась идеей «достояния народа», «достояния гражданской общины», но неизбежно предполагала выделение автономной сферы частного права в интересах отдельных лиц из публичного права, действующего в интересах всего общества. Основное значение этого этапа в истории осмысления гражданского общества не в том, что римская идея сохранила взаимосвязь государства и гражданской общины, а в том, что, следуя за реальным развитием событий, политико-правовая мысль отразила достаточно обособленное существование обоих объектов. Христианизация Европы и средневековая догматика еще сильнее закрепили дуализм государства и общины верующих – двух градов, которые сосуществуют и характеризуются относительной автономией. Идея активности общины верующих выразилась достаточно ярко в деятельности монастырей, но свое полное воплощение она нашла несколько позже в протестантских вероучениях. Общины протестантов упрочили в своей практической деятельности такие важные характеристики гражданского общества, как ценность гражданского служения, общение и взаимодействие конгрегаций, независимость от государства, социальная аккумуляция и использование преобразовательной энергии личности [10, p. 7-9].

Важнейшим этапом в развитии идеи гражданского общества стала эпоха Нового времени. Существенные трансформации, произошедшие в политико-правовых и социальных реалиях западных государств и обществ, неизбежно должны были отразиться в осмыслении этих феноменов. Эту эпоху принято считать временем подлинного «рождения» гражданского общества. Следуя взглядам Гегеля и Маркса, можно сказать, что наряду с усилением государства и концентрацией политической власти в его руках на основе новых источников мощи и легитимации, взаимодействия с новыми социальными группами, политическое общество и власть отделились от общества гражданского в собственном смысле. «Эмансипация» гражданского общества знаменовала отделение государства от сословно-кастовой структуры прежних рабовладельческих и феодальных обществ. Персонификация публичной власти в форме абсолютистских режимов и развитие гражданского общества на основе индивидуализма, правового равенства и капиталистического предпринимательства – это две стороны единого процесса. Кардинальные изменения в социально-экономических и политических процессах наиболее развитых стран Европы отразились и в новых метаморфозах идеи гражданского общества. Во-первых, новоевропейские концепции гражданского общества как никогда раньше ярко выразили обособление отдельной самоценной сферы гражданского общества. Ранее невысокая степень реальной автономии сферы гражданского общества соответствовала нерасчлененности идеи гражданской общины и идеи государства. У Аристотеля, например, общество было неразрывно связано и с государством, и с политикой – сферами, без которых все его черты и качества не могут найти своего предельного выражения и субстанциальности. Во-вторых, категория гражданского общества, изначально отражающая исторические реалии и специфику конкретного общества, становится все более определенной и сложной, привязанной к конкретным характеристикам тех или иных европейских обществ с их локальными особенностями. Это рождает, в свою очередь, целые традиции мыслей о гражданском обществе, отголоски которых слышны и сегодня.

Вызывает особый интерес точка зрения ряда современных ученых, выделяющих две относительно обособленные, но одинаково влиятельные интеллектуальные традиции («L-stream» и «M-stream») в осмыслении гражданского общества [6; 8; 13, p. 204-224]. Дж. Локк стал основателем первого направления, получившего дальнейшие развитие в трудах целого ряда английских и американских мыслителей. Данный подход отражает специфику английского исторического опыта в эпоху Нового времени, успехи ее политического и экономического развития, сделавшего ее образцом классического парламентаризма и «мастерской мира». Здесь делается упор на свободное развитие «неполитического измерения общества» [13, p. 222], автономной от политики сферы экономической жизни и развития «материальной цивилизации». Не противопоставляя радикально государство и гражданское общество, модель Локка и его последователей оформляет идею об ограниченном вмешательстве государства, главная роль которого сводится к охране собственности и правопорядка. Другие современные исследователи также констатируют наличие специфичного взгляда на гражданское общество

в традиции англо-американских политических мыслителей: изначально слабо разделяя образы гражданского и политического обществ, такой подход свел гражданское общество к экономическому и определил основное содержание феномена в организации экономической сферы [3, с. 138-139]. Государство, по мнению Джона Локка, необходимо для поддержания порядка, гарантий незыблемости собственности и равенства прав. Для представляющих эту же традицию Томаса Пейна и Адама Смита очевидно, что гражданское общество имеет высокий потенциал для саморазвития и достижения целей благополучия и счастья людей, а государство в идеале должно стремиться к минимуму своего вмешательства и ограничиваться исполнением необходимых функций: гарантировать соблюдение равных прав и создавать законы, учитывающие потребности общества.

М-традиция, первоначальный фундамент которой, по мнению исследователей заложил Монтескье, гораздо более отчетливо разделяет уровни жизни государства и гражданского общества. Природа гражданского общества здесь в большей степени проявляется как активная деятельность свободных гражданских негосударственных ассоциаций, которые вносят свой существенный вклад в развитие всего общества и развитие цивилизации вообще. Наиболее явно эта интеллектуальная традиция проявляется у французских мыслителей Б. Констана, А. Токвиля, А. Фергюсона, которые обстоятельно и развернуто продолжили идею Монтескье. Бенджамин Констан выразил идею первичности целей и интересов граждан в частной сфере. Для него государство есть лишь необходимое дополнение гражданского общества, которое должно гарантировать его безопасность (в республиках − усилиями избранных индивидов: представительных органов и должностных лиц) [2]. Еще более отделено гражданское общество от государства у Фергюсона. Наиболее актуален для современности взгляд Токвиля, внимательно исследовавшего исторический опыт американского общества. Очевидно, что токвилианская идеальная модель гражданского общества выделяет его как сферу негосударственных ассоциаций, которые, акцентируя (как и у Констана) свою деятельность на собственных имманентных целях, все же не противопоставляют его государству и не создают в них две автономные сферы. Развитое гражданское общество Токвиля параллельно со своими целями способствует укреплению государства. «Свободные ассоциации» и «общинные институты» гражданского общества дают «ясное и реальное представление о природе своих обязанностей и объеме своих прав», без них «нация может сформировать свободное правительство, однако истинного духа свобод она так и не приобретет» [7, с. 65-86]. Ассоциации гражданского общества, по Токвилю, учат нацию наслаждаться мирным характером свободы, то есть, говоря современным языком, формируют и поддерживают гражданскую традицию. Именно такая позиция лежит в основе одной из современных трактовок государства и гражданского общества как структур. Такая трактовка выступает альтернативой для слишком резкого противопоставления или, напротив, синонимичной неразделенности обеих категорий и представляется автору статьи наиболее продуктивной.

Идею гражданского общества обогатило наследие И. Канта, представившего формирование гражданского общества сложнейшим естественным процессом самообучения общества идее всеобщего правового гражданского общества, преодоления внутреннего антагонизма между его членами и приобщения к максиме о каждом человеке как цели. Идеи Г. В. Ф. Гегеля (гражданское общество как исторически предшествующая современному сбалансированному государству форма, однобоко развившая начала крайнего индивидуализма) и К. Маркса (самодостаточная и получившая автономию от политики сфера жизни общества, основанная на частной собственности и частном интересе), сохраняя приверженность отдельным чертам устоявшихся традиций мысли о гражданском обществе, сформировали самостоятельные концепции. Хотя в известной степени они несут в себе посыл отдания приоритета соответственно «негосударственной» и «неполитической» сторонам гражданского общества, что не всегда приобретает форму крайних трактовок. В XX веке упрочились позиции как «неполитической» трактовки гражданского общества (уравнивающие его со сферой свободных нерегулируемых рыночных отношений в странах Восточной Европы, либо деятельностью вне политики в духе классической теории элит, либо еще более узкой – внеполитической и внеэкономической «социетальной сферой», как у Т. Парсонса), так и подхода к «негосударственному» гражданскому обществу. Например, западный «нео-токвилианский» взгляд на развитое гражданское общество связывает его со сферой мало формализованной активной деятельности различных негосударственных ассоциаций [12, p. XV-XVI].

В итоге анализа проблемы, отраженной в данной статье, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в современном многообразии традиций мысли о гражданском обществе выделим общий несомненный базис, оформленный длительной интеллектуальной историей данной категории: договорная природа, самоорганизация и самоценность гражданского общества, относительная обособленность от политико-властной сферы, активность граждан при соблюдении их неотъемлемых прав и обеспечении общего блага, соблюдение разумного баланса между частным интересом и свободой каждого. Он подспудно присутствует в каждом современном подходе к гражданскому обществу безотносительно приверженности к той или иной из рассмотренных традиций. Не представляется убедительной позиция крайних апологетов автономных национальных опытов и моделей гражданского общества, выводящих его вариативность за рамки данного фундаментального базиса.

Во-вторых, правомерно выделение двух основных трендов, берущих начало с эпохи Нового времени, на рассмотрение гражданского общества как преимущественно неполитической сферы (автономное «горизонтальное» разграничение) либо как сферы негосударственного начала (что не исключает связей гражданского общества с политической жизнью, идей противостояния гражданского общества и государства или, напротив, их взаимодействия на разных «вертикальных» уровнях).

В-третьих, несмотря на эвристическую ценность такого выделения двух традиций, оно имеет определенную условность, которую нельзя не учитывать. Например, Ч. Тейлор называет две названные ипостаси

«неполитической» и «предполитической» (создающей фундамент для государства и в то же время сдерживающей крайние проявления его функционирования) идентичностью гражданского общества [13, p. 220-223]. Он доказывает, что крайне полярное разделение двух выделенных его школой традиций неправомерно и в известной мере опасно: рассмотренная выше L-традиция может свестись к упрощенным схемам осуществления гражданских свобод вне политического измерения и тем самым обессилить потенциал категории гражданского общества, который способен стать весомым аргументом против опасности избыточной бюрократизации и неумеренного этатизма [Ibidem, p. 224]. В зависимости от специфики гражданской традиции, зрелости гражданского общества и особенностей государства гражданское общество может быть партнером либо противовесом государства, но не может быть «отрезано» от политической сферы абсолютно. Крайние трактовки гражданского общества на сегодняшний день неприемлемы. В условиях современной России необходимо сохранение и поддержка институтов, обеспечивающих связь ассоциаций гражданского общества с политической сферой. Так, снижение роли референдумов и других форм «прямой» демократии, ослабление самостоятельности местного самоуправления, этатистские инициативы по созданию компенсирующих субститутов гражданского общества «сверху», падение доверия к профсоюзам и излишняя опека политической активности общественных объединений в такой ситуации могут иметь негативные последствия для определения вектора развития отечественного гражданского общества, которое находится в процессе становления.

Наконец, очевидно, что многообразие подходов к определению гражданского общества отражает историческое многообразие реальных воплощений этой категории в конкретных странах даже при наличии общего блока фундаментальных черт и ценностей. Ярко выразил эту идею Б. де Виль, который увидел изначальную логику возникновения понятия гражданского общества в том, чтобы авторитарному универсализму Просвещения доказать, что нет единого ответа на вопрос, как строить общественную жизнь [11, p. 36]. Схожий взгляд присущ и современным отечественным исследователям, которые призывают не абсолютизировать категорию гражданского общества и учитывать конкретные исторические и цивилизационные особенности, в том числе и российской интеллектуальной и гражданской традиции [9, с. 216-218]. Автор солидарен с теми современными аналитиками, которые, отмечая несомненную специфику отечественного опыта в построении и осмыслении гражданского общества, тем не менее, избегают его противопоставления классическому наследию и убедительно показывают его прогрессивный и компенсаторный потенциал в современных условиях [1, с. 63]. Конкретное гражданское общество должно учитывать специфику сложившейся гражданской традиции, но при этом преодолевать наиболее трудные элементы «исторического наследства» (например, ощутимый избыточный патернализм, системоцентризм или прерывистость отечественной гражданской традиции на современном этапе), создавая основу для устойчивого развития и прогресса.

Список литературы

1. **Галкина Е. В.** Концептуальный анализ современных моделей гражданского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8. Ч. I. С. 61-63.
2. **Констан Б.** О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2. С. 97-106.
3. **Коэн Дж. Л., Арато Э.** Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
4. **Марченко М. Н.** Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2009. 400 с.
5. **Платон.** Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
6. **Рожнева С. С.** Политико-культурные традиции гражданского общества, влияющие на процесс модернизации современной России // Современные общественно-политические системы в условиях модернизации: состояние и перспективы развития: сб. статей по материалам всероссийской научной конференции с международным участием. Орел, 2011. С. 250-260.
7. **Токвиль А.** Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
8. **Харахордин О.** Проект Достоевского // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 38-59.
9. **Черноусова Л. Н.** Теоретические подходы к исследованию понятия «гражданское общество»: философский аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2. Ч. II. С. 216-219.
10. **Banner M.** Christianity and Civil Society // Christian Political Ethics / ed. by J. A. Coleman. Princeton University Press, 2007. P. 3-21.
11. **De Wiel B.** A Conceptual History of Civil Society: from Greek Beginnings to the End of Marx // Past Imperfect. 1997. Vol. 6. P. 3-42.
12. **Ehrenberg J.** Civil Society: the Critical History of an Idea. N. Y.: NYU Press, 1999. 285 p.
13. **Taylor C.** Invoking Civil Society // Taylor C. Philosophical Arguments. Harvard University Press, 1995. P. 204-255.

CIVIL SOCIETY: INTELLECTUAL TRADITIONS AND MODERNITY IN UNDERSTANDING OF CATEGORY

Ponochevnyi Maksim Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy
South Federal University
ponochevny8tg@mail.ru

The author proves that in the contemporary and seemingly disordered conglomeration of views on civil society one can identify historically formed elements: the general foundation and the field of variability; and shows that the category of civil society reflects the harmonious proportion between the unique historical experience of the particular society and the potentially universal values nature of the self-organized sphere of civil initiatives, relatively isolated from the state.

Key words and phrases: civil society; non-state sphere; non-political society; voluntary associations; foundation and field of variability in semantic figuration of civil society.